

Чуть согнувшись, прикрываясь от него рукой, я сделал несколько шагов к заднему колесу, около которого Василий сновисто распутывал цепь. Достав два ключа из кармана, один он протянул мне.

— Давай! — коротко прозвучало в морозном воздухе.

Мы стали торопливо заковычивать резину. Когда кончили первое колесо, я уже не чувствовал ног. Руки задеревенели. В полном молчании мы закончили работу. С трудом залез в кабину, захлопнул дверцу. Мотор взревел, и мы медленно поехали к подъему.

Скосив глаза на мои руки, шофер с участием спросил:

— Не обморозил? Ты три их, три.

— Да вроде нет, — ответил я, подставляя пальцы к газфированному раструбу печки. Тепло окутало руки, потом меня всего. Я задремал.

— Ну вот и дождался паршивой погоды, — услышал я голос какой-то нереальный и далекий.

С трудом разлепил глаза. Снежные заряды яростно бились о ветровое стекло. На улице быстро темнело. Напряженное состояние водителя передатлось и мне. Я придвинулся к самому стеклу, с трудом угадывая очертания дороги.

Вскоре показались огни Выдрихи. Проскакивая переносы дороги, мы спустились на главную улицу села.

— Наверное, придется здесь заночевать, — произнес я.

— Если хочешь, вылезай.

— Да нет, я с тобой, — стыдсь своего малодушия, ответил я Василию.

Дережня осталась позади. Вот и левый поворот, где начинался небольшой подъем. Пе-

реносы встречались все чаще. Вскочив наверх, мы попали в крошечный ад. Машина с трудом преодолевала снежные препятствия.

— Только бы пробиться до Межовки. А там дорога свободная, — сказал Вася, обращаясь ко мне.

— Почему свободная?

— Трасса возвышается над полем, ветер снег с нее сдувает.

Через десять минут ЗИЛ забуксовал. Номиная недобрым словом всех близких всевышнего, водитель открыл дверцу и вывалился в снежную круговерть. Теплая кабина машины показалась мне самым райским уголком на свете. Пересилив себя и медленно открыл дверцу и, зажмурив глаза, прыгнул в глубокий снег.

Яростно работая лопатой, Василий откапывал задние колеса. Я стал помогать, разгребая снег ногами. Через несколько минут задним ходом мы выбрались из заноса.

— Пойдем по целине. Там меньше снега, — услышал я, и машина, нырнув в кювет, выбралась на поле.

Где-то через километр бешеной тряски мы «сели» снова, теперь уже прочно. Пока откапывали задние колеса, заносило передние. Пока возились с передними — задние утонули в снегу.

— Мартышкин труд, — сплюнул шофер, и мы вернулись в кабину. — Теперь действительно все. Ну что, браток, покурим? Солью воду из радиатора и пойдем.

Васькины глаза смотрели на меня как-то виновато и жалостно.

— Да ничего страшного, не впервой, — ответил я, бодро улыбувшись.

— Да я уж вижу, — заметил он, — А что у тебя в сумке-то?

— Одеждо верблюжье для

дочки, — не понял я.

— Ну вот и хорошо. Ты его накинй сверху на себя, а то совсем околеешь. Сумку-то оставь, мешать будет в дороге.

Он глубоко затянулся сигаретой, огонек вспыхнул ярче, осветив на миг прищуренные глаза.

— Пойдем в разные стороны. Я в Межовку, там брат у меня,

может трактор приведу. А ты иди в Выдриху. Тут хоть и дальше, да по ветру, а не против.

— Нет, я с тобой.

— Не пойдешь. Не выдюжишь. Выходи на дорогу, держись вепек.

Руками придерживая одеяло, накинутое на спину, я пошел по дороге. Завязавшая ушанка съехала на лоб, руки коченели. Пронизывающий ветер хлопал одеялом. Снег набился в туфли, и постоянно жег ступни.

Шаги становились тяжелыми и неверными. Нечаянно зацепив ногой о туфель, я его потерял.

Ноге стало легче, она чувствовала боль только тогда, когда наступал. Не знаю, почему, но я скинул второй и побежал вприпрыжку.

Удивительно, но пальцы ног стали согреваться. Не помню, сколько я бежал.

Бежал до тех пор, пока не свалился в дренажную канаву. Наступила тишина. Ветер, не задевая меня, шел поверху. Было уютно и тепло. Какая-то непонятная истома и безразличие охватили меня. Веки набрякли и слипались. Ветер не выль, а ласково убаюкивал...

Очнувшись от боли. Что-то острое давило в грудь. Повернувшись набок, я нащупал рукой Буратино. Приподнял голову и пополз, отыскивая дорогу. Ез нигде не было! Я вдруг почувствовал себя одиноким и ничтожным. Хотелось плакать от бессилия. Что-то бессвязно бормотал, то ли успокаивая себя,

то ли ругаясь. Двигался у механически. Все становилось нереальностью, каким-то сном.

Вдруг меня подбросило вое. Сердце гулко заколотило. Только после этого в моем стывшем сознании застучал свет... огонь... люди... Я ринулся на мерцающий огонек надежды. Бежал и плакал, как маленький мальчишка. Кричал что-то несвязное, махал руками, падал, поднимался и снова бежал.

Эта была застрывшая машина «Скорой помощи». Я открыл дверь, увидел людей и вынул:

— Пустите, я замерз.

Чей-то недовольный голос барственно возразил:

— Нельзя. В машине больно. Недалеко, дойдешь.

Я открыл дверь и опустился на снег.

Очнувшись уже в машине. Жница заботливо растирала ноги, подставляя их к дулоу теплом печке, приговаривая:

— Бедняцкий, да как же ты?

Тот же недовольный голос сзади возмутился:

— Я буду жаловаться!

Водитель, открыв пошироко, связывающее кабин саломом, чисто по-мужички, стесняясь в выражениях, сдвинул говорившего и пригрозил посадить. Голос умолк.

Через некоторое время явился К-700, зацепил тро УАЗик, а через час я уже дома, среди родных.

От домашнего тепла тело мало и выворачивало. Когда успокоились, я достал из кармана Буратино и протянул дочке Жене. Она взяла игрушку из рук улыбувшись, сказала:

— Чудак-человек. Рано ей кие острые игрушки. После да подарить.

РЕДАКТОР
В. А. БАРИС.

(Окончание. Начало в № 14).

Наш
адрес:

493010, г. Шемонаиха, ул. Советская, 63. Звоните по телефонам: редактор—9-15-34, зам. редактора и отдел партийной жизни—9-24-38, ответ. секретарь—9-12-36, отдел промышленности и радиокомитет—9-16-45, отдел писем и сельского хозяйства—9-22-34, директор типографии—9-14-46, бухгалтерия—9-10-49, общий типографии—9-16-49. Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам. О доставке газет звонить по телефону 2-13-41. Издательский индекс—65567. Печать высокая, объем один печатный лист

Шемонаихинская районская областная типография и книжная г. Шемонаиха, ул. ...

Ленинское знамя, 1988,
6 апреля.